

СТЕЛЛА МОРОТСКАЯ ПЕРЕПЛЕТ НА ДВОИХ, или ДАВАЙ ПОДЕЛИМСЯ

№28 1997

Саше и Стелле с любовью.

Думаю, когда мы будем разводиться с моим единоутробным и горячо любимым последним мужем Александром Юрьевичем, мы займемся раздлом совместно нажитого. Дело это, по большому счету, не составит для нас труда, и не только потому, что люди мы интеллигентные, нестяжающие и к материальному миру малопричастные (а супруг мой - человек, вообще, возможно, и не догадывающийся о его существовании). Отсутствие проблемы раздела имущества кроется еще и в том, что за неполные четыре года на текущий момент совместной жизни не так уж много чего нами было приобретено.

Квартиroy мы, слава Богу, обзавестись не успели, а, как говорится, нет квартиры - нет и проблемы. К тому же, если уж рассуждать по совести, то от большого легче отказаться, чем от малого, и моему мужу это особенно свойственно.

Отставляя в сторону размышления об отсутствии автомобиля и загородного дома, можно смело заявить, что главным материальным приобретением нашей семьи был диван, купленный поздней осенью 1995 года за восемьсот тысяч рублей с доставкой и сборкой на дому. За полтора с небольшим года нашей активной совместной жизни на этом диване, являвшейся одновременно периодом не так чтобы совсем неосознаваемого - давайте уж правде в глаза смотреть - эпатирования многочисленных родственников мужа моего Саши, проживающих за оргалитовой стенкой, отделяющей наши двенадцать метров от остальной квартиры, нашими бурными оргазмами, он, диван то есть, начал потихоньку расплзаться и заваливаться, и тут грех не упомянуть, что купили мы его на стадионе "Трудовые резервы" в подпольной мастерской, расположенной в переоборудованном помещении бывшего общественного туалета, по совету многомудрого, черт бы его побрал за этот диван, теоретика верлибра Юры Орлицкого, преследовавшего благородную цель экономии наших средств. Так вот, Орлицкому мы его и отпишем, на память и со значением.

Все остальные предметы мебели, находящиеся в нашем обиходе, были нам подарены родственниками мужа и уже неоднократно подвергались попыткам реституции, коим мы не без злорадства принципиально противостояли. Теперь же у нас появится возможность отплатить добром за добро. Это будет для них приятной неожиданностью.

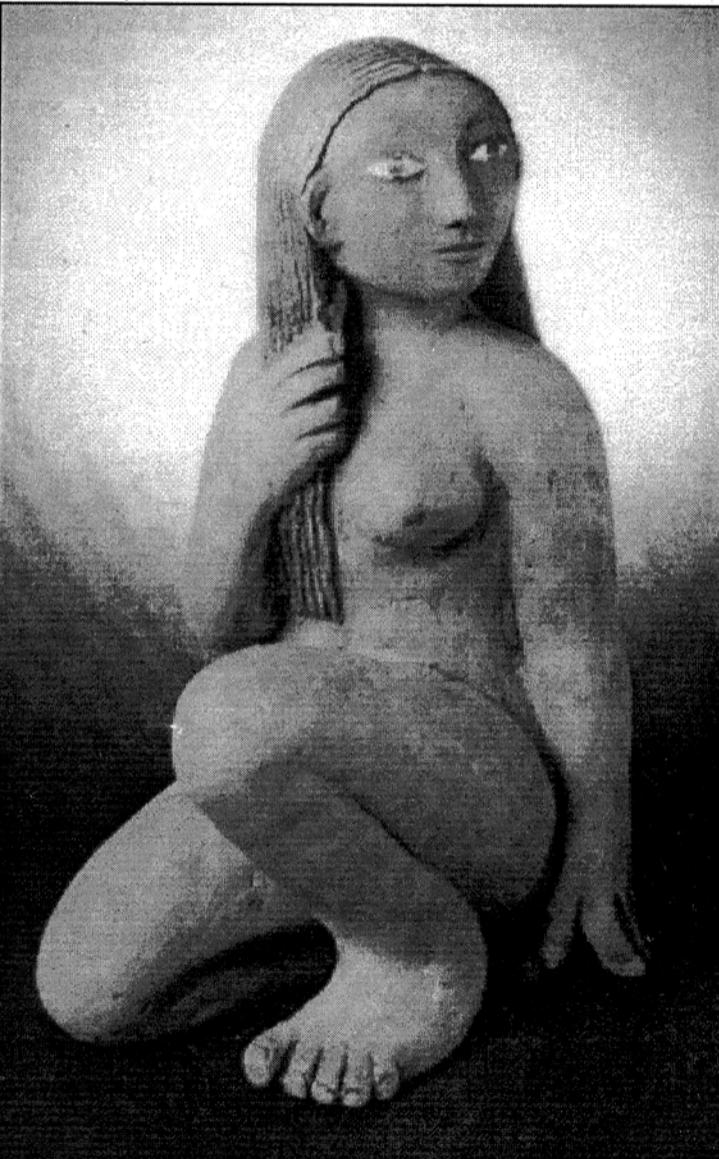
Возвращаясь к дивану, стоит отметить, что положительным его свойством, кроме раскидистости, было и остается наличие "бельевого ящика", активно рекламируемого тем же Орлицким. В это узкое и малофункциональное пространство мы с Сашей каждое утро по очереди зашивали матрас 120x195 и толстенное шерстяное одеяло приблизительно тех же размеров. Эти два жизненно важных предмета мы приобрели вслед за диваном, поскольку спать без матраса на таком ступенчатом ложе было не очень уютно, а одеяло хотелось иметь потеплее. Собственно и по поводу одеяла, и по поводу матраса у нас с мужем моим Сашей всегда были разногласия, пожалуй, только в этом и были, но весьма принципиальные. Дело в том, что мой последний супруг очень любит, когда его сверху сильно придавливает теплым и мягким. А я не понимаю, как можно в жару под таким спать и предпочитаю переходить на что-то легонько. Но тогда дело клонилось к зиме, и я была рада приобрести одеяло потеплее, а уж Саша особенно сильно ратовал за это. Честно говоря, в итоге оно не особо нас устраивает, так как из-за своей массивности не создает обвалакивающего эффекта, и среди ночи я, как правило, остаюсь обнаженной, так как у моего пока еще мужа есть отвратительная привычка тянуть одеяло на себя, так чтобы оно свисало на пол с противоположной от меня, замерзающей, стороны. Теперь о матрасе. Для Саши слово матрас было всегда ругательным. Все пошло с того случая, когда мы собирались на первом году нашей совместной жизни поехать летом в Крым с моим дитем Светиком, денег было мало, но отдохнуть было надо. А моя мама, то есть теща моего мужа, Зося, сказала, что мы живем в своей Ухтомке, как бомжи, посмотрите на свой матрас, стыд на таком спать, а вы по курортам мотаетесь. Матрас этот стал с тех пор жупелом для ее зятя. Каждый раз, заманивая меня в какую-нибудь несвоевременную и разорительную поездку, не находя достойных аргументов против моих трезвых и оправданных сомнений, муж мой Александр Юрьевич уничтожал меня словами о моем матрасном сознании, мешающем мне жить полноценной жизнью, а вот он привык ездить и познавать мир, а вот я хочу всю жизнь провести на матрасе, серо и однообразно. Матрас мы все-таки купили, потому что пробовали спать на диване так - не получилось. Но при учете всех предпосылок сам собой напрашивается вывод, что Саше - вершки, а Стелле - корешки, то есть мужу - одеяло, а

жене - матрас.

Что касается кухонной утвари, тут разговор особый. Саша-то мой, надо признаться, до того, как меня умыкнули у предпоследнего мужа Андрея, не очень-то разносолями избалован был. Все, что он потреблял, - кофе, чай и сигареты. А для этого, как известно, посуды много не надо. Я его к чревоугодию приучила, я и отчу. То есть столовой посуды ему больше не понадобится, и делить надо будет только мелкую. Каждому достанется по одной чайной чашке с блюдцем - у нас их всего две. Не потому, что не на что купить больше, а потому, что поставить некуда - кухня-то у нас на семерых всего шесть метров. Неслучайно все время чашки бились, целенаправленно стремясь к минимально возможному количеству. Была, правда, третья, но Сашка ее специально на очередную работу отнес, чтоб не мешалась. Что касается гостей, то мы их в наш караван-сарай все равно не водим, хоть и любим. Разве что Арсен со товарищи из Питера дня на три приедет, но они так и так под столом вповалку спят и лаптем щи хлебают, а чай вообще не пьют. Пьют водку. Такой посуды у нас хватает. ГБ Айги подарила на свадьбу, так что попросту разделим поровну. Есть еще две пивные кружки богемского стекла. Витюшин подарок. Уже второй. Первый был такой же тоже нам на свадьбу. Потом их украли вместе со всем остальным первичным совместно нажитым имуществом, когда Саша получил грант на шведском острове

Готланд и мы поехали туда на месяц расслабляться, счастье-то какое, а вернулись в такое говнище! - все в нашей Ухтомочке вверх дном перевернуто, и не только моих фамильных гранатов, а также всех наших документов нет, но и много чего остального, включая Витюшины кружечки. После этого мы, кстати, из Ухтомки нашей, разваливающейся на корню, и уехали в квартиру к Сашиной маме, сестре, мужу сестры, дочкам-погодкам, по месту прописки, так сказать. Ну а Витенька, рыбка наша чешская, подарила еще две кружки, когда мы в день моего тридцатипятилетия сошли на перрон железнодорожного вокзала славного города Праги, привольно раскинувшегося на двух берегах Влтавы, но главное его достоинство - люди, как любят выражаться мой муж Саша. Понятно, что хоть это и мой был день рождения, но Витя-то Сашу тоже имел в виду, поэтому кружки мы поделим поровну. А уж вот чего у нас имеется в чрезмерности, так это керамических кофейных сервисов. Кроме большого сине-белого кофейника, оставшегося от недоразворованного в Ухтомке сервиса, преподнесенного мне трудовым коллективом журнала для девочек "Маруся" на тридцати четырехлетие, у нас хранится в почти неприкосновенности кофейный сервис цвета какао, подаренный мне-нам моей теткой, а недавно появился - как нарочно - еще один, цвета шоколада, погромоздче и потяжелее, врученный мне на последнее мое летие последней свекровью, то бишь Сашиной мамой, аккурат после прощенного воскресенья, когда она пришла из своих девяти метров в наши двенадцать за то, что в декабре при разговоре о необходимости решения жилищных проблем обозвала меня почему-то татаркой проклятой, охмурившей по расчету ее сына, и мы почти пять месяцев не разговаривали и лакали с Сашей валерьянку, как два кота. Расчет, конечно, дело интересное, но моя новая национальность могла бы быть и пооригинальней. Но это неважно теперь - важно, что сервис еще один ненужный появился. А мы все равно кофе из тех же двух чайных чашек пьем. Варим и разливаем. Поэтому, видимо, каждый возьмет себе по кофейному сервису, каждый - от своего родственника, а пока все они - посуды то бишь - кучно стоят и пылятся на самой верхотуре книжных полок.

Вот тут-то мы начинаем подбираться к самому главному. Книги - главное наше богатство, которое, как и любое другое, придется делить. После изъятия из общего списка книг, приобретенных каждым из нас независимо, до вступления в законный брак, останется часть, имеющая отношение к нам обоим. Можно пойти на радикальный вариант - Саше аудиокассеты, которыми он заставил все свободные от кофейных сервисов поверхности в комнате, а мне - книги, но это слишком примитивно и грубо. Во-первых, некоторые кассеты можно продублировать, чтобы я не осталась без Gentle Giant, King Crimson, кое-чего из Jethro Tull, Led Zeppelin и Yes... of course. А что касается книг, то можно договориться. Пrust у нас неполный, можно его как-то разметать - кому Свана, а кому Германтов. Борхеса я, пожалуй, не уступлю. Я его больше люблю. Ну а Саша, скажем, возьмет Беккета и Селина. Короче, можно по-дженеральменски решить вопрос. Но вообще, если уж правде в глаза смотреть, Саша читает мало и медленно - он одного Музиля четыре года мусолил. Кстати, Музиль-то у нас два раза есть, как и Мандельштам. Это все потому, что некоторые люди наивно полагают, что у нас их нет, и дарят, а их потом девять некуда - книги, кофейники и т.д. Зато при деже все это приобретает новый положительный смысл. Кстати, есть основание считать, что даря нам вещи, в которых у нас нет недостатка, люди провоцируют ситуацию раздела имущества. Но не будем отвлекаться: с книжками мы почти разобрались. Почти, да не совсем. Тут-то мы и подобрались к самому главному. Что же делать с книжками наших собратьев-поэтов, которые вручались нам в изрядном количестве и сопровождались, как это

Татьяна Кудрина. "Девушка".